

О чем не забыло Отечество?

Из комментария к одной пушкинской рецензии

Олег Лекманов (Москва)

И мальчики кровавые в глазах...

В первом номере «Литературной газеты» за 1830 год, в разделе «Смесь», Александр Сергеевич Пушкин без подписи опубликовал короткую рецензию на анонимную «Некрологию генерала от кавалерии Н. Н. Раевского», автором которой был зять героя, декабрист Михаил Федорович Орлов.

Напомним текст пушкинского отклика: «В конце истекшего года вышла в свет „Некрология генерала от кавалерии Н. Н. Раевского“, умершего 16 сентября 1829. Сие сжатое обозрение, писанное, как нам кажется, человеком, сведущим в военном деле, отличается благородною теплотою слога и чувств. Желательно, чтобы то же перо описало пространнее подвиги и приватную жизнь героя и добродетельного человека. С удивлением заметили мы непонятное упущение со стороны неизвестного некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812-м году!.. Отечество того не забыло» (*Пушкин 1949: 84*).

Почему М. Ф. Орлов в своем апологетическом очерке о Н. Н. Раевском ни словом не обмолвился о легендарном подвиге генерала и его сыновей? Почему Пушкин счел необходимым строго попенять Орлову за такое упущение? Цель нижеследующей работы — попытаться ответить на оба эти вопроса.

Начнем с того, что интересующая нас лакуна в орловской биографии героя войны 1812 года была настолько разительной, что ее заметил и второй рецензент «Некрологии» Раевского, подписавшийся «П. Св.», то есть — Павел Свинын. В отличие от Пушкина, Свинын не стал упрекать Орлова за пренебрежение к славному подвигу, а восстановил справедливость между делом, — напомнив в рецензии о том, как отважный генерал «бросался на батареи Наполеона с детьми своими» (*Свинын 1829: 460*).

М. Ф. Орлов в своем очерке дипломатично умолчал о деянии Раевского и его сыновей. Другой участник войны 1812 года, близкий в свое время к Раевскому, и вовсе опроверг легендарный подвиг генерала. Этот другой был поэт Константин Николаевич Батюшков, который в 1813–14 гг. служил у Раевского адъютантом, о чем вспоминал в своих записных книжках 1817 года, при жизни поэта не опубликованных и Орлову, вероятно, неизвестных.

Приведем теперь обширный фрагмент из этих записок: «Раевский командовал тогда гренадерами. Призывает меня вечером кой о чем поболтать у камина <...> „Из меня сделали римлянина, милый Батюшков, сказал он мне — Из Милорадовича — великого человека, из Витгенштейна — спасителя отечества, из Кутузова — Фабия. Я не римлянин, но зато и эти господа — не великие птицы <...> Про меня сказали, что я под Дашковкой принес на жертву детей моих“. „Помню, — отвечал я, — в Петербурге Вас до небес

превозносили“. — „За то, чего я не сделал, а за истинные мои заслуги хвалили Милорадовича и Остермана. Вот слава, вот плоды трудов!“ — „Но помилуйте, ваше высокопревосходительство, не вы ли, взяв за руку детей ваших и знамя, пошли на мост, повторяя: вперед, ребята; я и дети мои откроем вам путь к славе, или что-то тому подобное“. Раевский засмеялся. „Никогда так не говорю витиевато, ты сам знаешь. Правда, я был впереди. Солдаты пятились, я ободрял их. Со мною были адъютанты, ординарцы. По левую сторону всех перебило и переранило, на мне остановилась картечь. Но детей моих не было в эту минуту. Младший сын сбирал в лесу ягоды (он был тогда сущий ребенок, и пуля ему прострелила панталоны); вот и всё тут, весь анекдот сочинен в Петербурге. Твой приятель (Жуковский) воспел в стихах. Граверы, журналисты, нувеллисты воспользовались удобным случаем, и я пожалован римлянином. Et voila comme on ecrit l'histoire“*.

Вот что мне говорил Раевский» (*Батюшков 1978: 412, 413—414*).

Как известно, Батюшков в течение короткого времени был сотоварищем Орлова по «Арзамасу». Автор некрологии ссылается на один из устных военных рассказов поэта о Раевском (см.: *Орлов 1832: 11—12*). Резонно предположить, что и устная вариация только что приведенного эпизода была Орлову известна. Куда вероятнее, впрочем, что он и сам слышал нечто подобное от своего тестя.

Интересно, что хорошо осведомленный Денис Давыдов, детально разобравший упущения и ошибки очерка Орлова в специальной статье, о подвиге генерала Раевского и его сыновей упомянул по случайному поводу, да еще так неотчетливо и бегло, что даже вездливый батюшковед В. А. Кошелев этого не заметил. Давыдов «подробно описал бой под Дашковкой, но ни словом не упомянул о сыновьях Раевского», — указывает исследователь (*Кошелев 1987: 147*). Ср. в «Замечаниях на некрологию Раевского» (1832) Дениса Давыдова: «...как будто не он, а другой, следуемый двумя отроками-сынами, впереди колонн своих ударил в штыки по Салтановской плотине»** (*Давыдов 1832: 23*).

Как показания Батюшкова (= умолчание Орлова) соотносятся с финалом пушкинской рецензии? Возможны, по крайней мере, четыре варианта ответа на этот вопрос.

Первый вариант: Весь рассказ Раевского измышлен Батюшковым. Генерал никогда ничего подобного своему адъютанту не говорил.

При желании легко подобрать и гипотетическую причину, которая могла спровоцировать Батюшкова мистифицировать предполагаемого читателя: комментаторы избранных батюшковских сочинений, не затрагивая проблемы правдивости свидетельства поэта, совершенно справедливо отмечают, что «рассказ о Раевском направлен против облачения Отечественной войны в одежды римской героини, всячески культивировавшегося русской журналистикой» (*Зорин, Проскурин 1986: 484*; изящную культурологическую интерпретацию этого эпизода см. также: *Сергеева-Клятис 2001: 22—24*).

* И вот как пишут историю! (франц.).

** Дело сие называется делом под Дашковкой, но истинная свалка была на Салтановской плотине (прим. Д. Давыдова).

Все же первый вариант представляется нам наиболее уязвимым и наименее вероятным. Хотя бы потому, что Батюшков имел твердое намерение, соответствующим образом обработав свои записи, предать их печати, а Раевский в это время был еще жив и полон сил. Хорошо можно представить себе реакцию желчного генерала, посмей Батюшков опубликовать о нем заведомую ложь, да еще и оформленную как монолог самого героя.

Второй вариант: Батюшкова мистифицировал Раевский.

Такой возможности, судя по всему, не отвергал Ю. М. Лотман, назвавший, впрочем, подвиг под Дашковкой «легендой» (*Лотман 1998*: 645; ср.: *Лотман 1973*: 89). В одной из своих работ исследователь писал: «...вполне можно допустить, что, беседуя с Батюшковым, Раевский перекодировал свое реальное поведение в <...> систему — «генерал-солдат», простодушный герой и рубака <...> ...в примере с генералом Раевским важно, что он мог вести себя в сфере реального поведения и как герой трагедии, «римлянин», и как «генерал-солдат». Когда Раевский осуществлял второе поведение, а современники осознавали его в системе первого, — создавалась легенда, как это было с эпизодом на мосту в Дашковке. Однако оба кода принадлежали к входившим в круг реально возможных» (*Лотман 1998*: 644–645).

Гораздо более энергично эту версию в свое время защищал видный историк А. Т. Борисевич, особенно упиравший на удивительную личную скромность героя: «...после славного боя 11-го июля 1812 г. под Салтановкой Н. Н. Раевский уверяет, что участие в бою его сыновей — „небылица“, а между тем непреложность этого факта подтверждается не только показаниями близких людей, но и беспристрастными архивными документами» (*Борисевич 1912*: IX; ср.: *Борисевич 1912а*).

«Показания близких людей» и «беспристрастные архивные документы» нам еще предстоит цитировать и анализировать далее, а пока представляется своевременным привести фрагмент письма самого Раевского, отправленного Е. А. Константиновой 22 июля 1812 г., т.е. — по свежим следам сражения под Дашковкой (оригинал по-французски): «Сын мой, Александр, выказал себя молодцом, а Николай даже во время самого сильного огня, беспрестанно шутил; этому пуля прорвала брюки; оба сына повышены чином» (*Русская старина 1874*: 767).

Следует обратить внимание на одно соответствие и одно несоответствие данного описания с тем рассказом, который передан в записках Батюшкова. Соответствие: и в беседе с адъютантом, и в письме к Константиновой Раевский украсил свое повествование броской, запоминающейся деталью (простреленные панталоны младшего сына). Несоответствие: Батюшкову Раевский рассказывал, что обоих детей не было с ним «в эту минуту». Из письма к Константиновой становится очевидным, что старший сын точно принимал участие в боевых действиях. Что же касается младшего сына, то о его присутствии на поле боя генерал напрямую ничего не сообщает (хотя, конечно, трудно себе представить, что он «беспрестанно шутил во время самого сильного огня», собирая при этом ягоды). Но ведь даже Б. Л. Модзалевский, в чью задачу входило доказать подлинность подвига Раевского и его сыновей (он издавал архив генерала под семейным патронажем

П. М. Раевского), изучив формулярные списки детей героя, несколько обескуражено отмечал: «В формулярном списке Александра Николаевича Раевского значится, что в 1812 г. он участвовал в сражении 2-го июля при селении Романовке и 11-го июля при селении Салтановке <...> Что касается Николая Николаевича Раевского <младшего. — О. Л.>, то <...> о Салтановке не упоминается» (*Модзалевский 1908: 163, 164*).

Третий вариант: А. С. Пушкин, в отличие от Батюшкова и Орлова, не был посвящен генералом и/или его семьей в подробности дела под Дашковкой.

В пользу данной гипотезы говорит то обстоятельство, что многочисленные представители дружественного Пушкину клана Раевских публично никогда не опровергали легенды о подвиге генерала и его сыновей, а, напротив, — всячески эту легенду поддерживали. Так, любимая дочь героя, Мария Раевская, в своих известных мемуарах, писавшихся в конце 1850-х годов, выразительно изобразила реакцию своего отца на ее решение последовать за мужем, декабристом Сергеем Волконским, в Сибирь: «Мой отец, этот герой 1812 года, с твердым и возвышенным характером, — этот патриот, который при Дашковке, видя, что войска его поколебались, схватил двух своих сыновей, еще отроков, и бросился с ними в огонь неприятеля, — нежно любил свою семью; он не мог вынести мысли о моем изгнании, мой отъезд представлялся ему чем-то ужасным» (*Волконская 1991: 25*).

Еще более красочно поведал о подвиге Раевского и его сыновей внук генерала, Н. М. Орлов: «В деле под Дашковкой они <сыновья. — О. Л.> были при отце. В момент решительной атаки на французские батареи, Раевский взял их с собою во главе колонны Смоленского полка, причем младшего, Николая, он вел за руку, а Александр, схватив знамя, лежащее подле убитого в одной из предыдущих атак подпрапорщика, понес его перед войсками. Геройский пример командира и его детей до иступления одушевил войска: замаявшиеся было под картечью неприятеля, — они рванулись вперед и всё опрокинули перед собою» (*Русская старина 1874: 765—766*).

Несколько даже комически отстаивал семейные интересы Раевских Иван Петрович Липранди в своем нелюбезном разборе истории Отечественной войны 1812 года, написанной М. И. Богдановичем. Богданович попытался рассказать о подвиге под Дашковкой предельно осторожно и корректно: «Вместе с Васильчиковым и всеми офицерами своего штаба, в числе которых были сыновья самого Раевского, он сошел с коня и стал впереди Смоленского полка, назначенного идти в голове колонны» (*Богданович 1859: 215—216*). Такая осторожность спровоцировала гневную инвективу Липранди: «Как же было умолчать в Отечественной войне о подвиге, объясняющем величие свойства русского! Вельможа-отец, сопровождаемый двумя единственными, несовершеннолетними еще сыновьями своими, под градом ядер, гранат, картечи и пуль, — и, в эту минуту, сын его требует нести знамя! <...> Между тем, как ничтожные эпизоды, не имеющие никакого общего интереса в Отечественной войне, нашли в ней <в «Истории» Богдановича. — О. Л.> место. Несомненно, что для находящихся еще в живых сына и двух дочерей Н. Н. Раевского было бы несомненно приятнее найти в исто-

рии Отечественной войны подвиг отца своего, равняющийся со всем тем, что история повествует нам о великом характере некоторых из древних римлян, чем <...> ни на чем не основанную и ничего не значащую полемику» (цит. по: *Модзалевский 1908*: 161–162).

Не следует, однако, упускать из вида тот факт, что эти описания легендарного деяния генерала и его сыновей были опубликованы спустя много лет после смерти героя и, самое главное, — после 14 декабря 1825 года. Итоги этого дня для Раевских, напомним, оказались следующими: единоутробный брат генерала, В. Л. Давыдов, был осужден по I разряду, так же, как зять Раевского — С. М. Волконский. М. Ф. Орлов, благодаря заступничеству своего брата, отделался ссылкой в наследное село Милятино. Что же касается до двух сыновей Раевского — тех самых, которых прославила на всю Россию легенда о подвиге под Дашковкой, — то они были арестованы по подозрению в участии в заговоре, но вскоре освобождены с оправдательными аттестатами. Недобрая молва в лице, например, Ф. Ф. Вигеля (ненавидевшего старшего из братьев — Александра), была склонна усматривать причину столь благополучного для сыновей Раевских исхода дела в заступничестве престарелого генерала перед молодым царем: «Александр и Николай, друзья Пушкина, прикосновенны были к заговору декабристов, но отделались легко благодаря заслугам отца» (*Вигель 2000*: 456).

Кажется весьма вероятным, что в подобной ситуации, хотя бы и смягченной прошедшими годами, «забывчивость» М. Ф. Орлова вызвала нешуточное раздражение у семьи и ближайшего круга друзей Раевских. Это раздражение явственно сквозит в датированном 12 июня 1830 г. письме Марии Волконской к Вере Вяземской, содержащем благодарность за присылку «Литературной газеты» с анонимной пушкинской рецензией на «Некрологию» Раевского (оригинал по-французски): «Поблагодарите тех, кто сумел принести дань уважения моему отцу, его памяти. Я разделяю их справедливое недовольство его биографом: он многое упустил или забыл» (*Друзья Пушкина 1986*: 129). Отметим все же, что в этом письме Волконская еще избегала прямого упоминания о подвиге под Дашковкой, хотя явно имела в виду именно его).

Четвертый вариант: осведомленный о подлинном положении дел, А. С. Пушкин сознательно совершил в финале своей рецензии сильный ход и упрекнул М. Ф. Орлова в пренебрежении к воинской доблести генерала и его детей.

Прежде, чем приводить аргументы в защиту этой, самой убедительной, на наш взгляд, версии, попробуем задаться трудным и, может быть, — почти неразрешимым вопросом о *подлинном положении дел* в сражении под Дашковкой или (что несколько проще) о том, какие безусловно истинные факты легли в основу героического предания. Для этого попытаемся пунктирно проследить за тем, как рождалась и обростала все новыми подробностями легенда о Раевском и его сыновьях.

Мы уже цитировали выше письмо героя Отечественной войны к Е. А. Константиновой, из которого ясно вычитывается только то, что сын Александр принимал участие в битве, а сын Николай как минимум находился где-то неподалеку.

Но уже подробная программа, 7 июля 1813 г. назначенная Советом Академии Художеств живописцу Антонио Каппони для картины на звание академика, содержит почти весь набор атрибутов легенды, варьировавшихся в течение последующих полутора столетий: «Представить героический подвиг Российского генерала Раевского, когда он, взяв двух малолетних своих сыновей и дав одному из них нести знамя, идет с ними вперед пред войсками и сам своим примером возбуждает в сердцах воинов то мужество, с которым они отразили гораздо превосходнейшие силы французов под Смоленском» (цит. по: *Модзалевский 1908: 165*).

Сходное описание сражения под Дашковкой находим в «Полном собрании анекдотов о достопамятнейшей войне россиян с французами» (1815), с тою лишь разницей, что анонимные авторы этого «Полного собрания...» для вящего эффекта завершили свой анекдот... изображением гибели сына Александра (*Анекдоты 1815: 4–6*). Так что возмущенному А. А. Писареву пришлось напоминать: в сражении у генерала убит был «адъютант его, ротмистр Маслов, а не сын его» (*Писарев 1817: 180*).

С составителями этого «Полного собрания анекдотов» может поспорить разве что современный владивостокский журналист Валерий Бельцов, который написал в одной из своих газетных заметок, что подвиг генерала и его сыновей состоялся «в битве на Бородинском поле» (*Бельцов 1998*).

С сожалением прибавим, что из всех участников легендарного сражения, кроме самого генерала, только А. П. Бутенев кратко упомянул о сыновьях героя (в позднейших мемуарах): «Раевский с двумя сыновьями своими (одному из них было 14 лет) дрался, как лев» (*Русский архив 1881: 69*). Увы, и на это свидетельство невозможно положиться, хотя бы потому что по крайней мере одна неточность Бутенева бросается в глаза: Александру Раевскому в описываемый период было 17 лет; Николаю — 11.

Новые обертоны в изложении легенды о подвиге Раевского и его сыновей под Дашковкой зазвучали в новую идеологическую эпоху.

Так, советский популяризатор Константин Ковалев счел возможным слегка подкорректировать тот монолог, с которым, согласно «каноническому» тексту легенды, генерал обратился к своим солдатам. В «каноническом» варианте Раевский восклицал: «Вперед, ребята, за Веру и за Отечество! Я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь». Ковалев «Веру», по понятным причинам, элиминировал, компенсировав эту купюру народолюбивыми пассажами генерала (в частности, «ребята» у него стали «братцами»): «— Слушайте, братцы! Я здесь с Вами. И дети мои со мной. Мы все идем в этот смертный бой. Жертвую всем ради вас и ради Отечества. Поднимем французов на штыки! Вперед! За мной!» (*Ковалев 1987: 156*).

Советский журналист Александр Кривицкий украсил описание сражения высокохудожественными подробностями и злободневными аналогиями: «Солнце кровавым глазом косит на черноволосого генерала. Нежно и твердо обнял он сыновей — один из них повыше ростом, другой еще совсем ребенок. Над их почти скульптурной группой реет знамя Смоленского полка с позолоченным наверхшем древка <...> Как боялся я за этих ребят в дни своего отрочества — старший был моим сверстником — и как я им завидовал!

В то время мы уже хорошо знали слово „фашист“, ходили в тир, целились в его карикатурное изображение, и меткого стрелка вознаграждало всеобщее признание ребят» (*Кривицкий 1982: 18*).

А советский историк, генерал П. А. Жилин, в данном случае не утрудивший себя ссылками на какие бы то ни было источники своих сведений, уверенно писал, что в битве под Дашковкой вместе с Раевским «шли его сыновья. Старший сын нес знамя Смоленского полка, младший шел с отцом» (*Жилин 1974: 113*).

Возвращаясь к истокам легенды о подвиге генерала Раевского и его сыновей, отметим, что особую роль в повсеместном ее распространении сыграла отечественная поэзия, в первую очередь, — „Певец во стане русских воинов“ (сентябрь—октябрь 1812) Василия Жуковского, по не вполне счастливому и справедливому выражению современного исследователя, — «разрекламировавшего» «анекдот, сочиненный в 1812 году» (*Епанчин 1996: 3*):

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.

Ключевую роль стихотворению Жуковского в беседе с Батюшковым отдал сам Раевский («Твой приятель (Жуковский) воспел в стихах»). Об этой роли вспоминал и А. И. Михайловский-Данилевский: «Бессмертный подвиг сей был бы, вероятно, как и многие другие, забыт, если бы Жуковский не упомянул о нем в «Певце во стане русских воинов». Прекрасное назначение стихотворчества, когда оно заменяет историю!» (*Русская старина 1897: 465*).

Также подвиг генерала и его сыновей под Дашковкой воспели в своих стихах Сергей Глинка:

Себя и юных двух сынов,
Приносишь всё Царю и Богу...

(«Генералу Раевскому»)

и Николай Иванчин-Писарев:

О тень Пожарского! тень Минина святая!
Возрадуйтесь! се ваш потомок, наш Герой!
Детей не заложил, Отечество спасая,
Нет — он на верну смерть повел их за собой.

(«Надпись к портрету генерала Раевского»)

Те три пушкинских текста, в которых возникают интересующие нас мотивы, образуют на этом фоне особую группу. Помимо рецензии на орловскую «Некрологию» сюда входят также юмористически-ситуативное стихотворение «Раевский, молодец прежний...» (1819) и финальные строки «Посвящения» южной поэмы «Кавказский пленник» Николаю Раевскому-младшему.

В стихотворении «Раевский, *молоденец* прежний...» обыгрываются образы «Певца во стане русских воинов», в ранней редакции которого строка «С отважными сынами» звучала «С младенцами-сынами». Посетив Жуковского вместе с Николаем Раевским-младшим и не застав его дома, Пушкин оставил автору «Певца» такую шутовскую записку:

Раевский, *молоденец* прежний,
 А там уже *отважный* сын,
 И Пушкин, школьник неприлежный
 Парнасских девственниц-богинь,
 К тебе, Жуковский, заезжали,
 Но к неописанной печали
 Поэта дома не нашли —
 И, увенчавшись кипарисом,
 С французской повестью «*Борисом*»
 Домой уныло побрели.
 Какой святой, какая сводня
 Сведет Жуковского со мной?
 Скажи — не будешь ли сегодня
 С Карамзиным, с Карамзиной? —
 На всякий случай — ожидаю,
 Тронися просьбою моей,
 Тебя зовет на чашку чаю
 Раевский — *слава наших дней*.

В заключительных строках «Посвящения» к «Кавказскому пленнику» вновь находим реминисценцию из Жуковского («*Младенец избранный*»), однако теперь Пушкин и младший Раевский противопоставляются друг другу вполне всерьез как участники романтической антитезы (счастливый и несчастливый представители «нашего поколенья»):

Мы в жизни розно шли: в объятиях покоя
 Едва, едва расцвел и вслед отца-героя
 В поля кровавые, под тучи вражьих стрел,
 Младенец избранный, ты гордо полетел.
 Отечество тебя ласкало с умилением,
 Как жертву милую, как верный свет надежд.
 Я рано скорбь узнал, постигнут был гоненьем;
 Я жертва клеветы и мстительных невежд;
 Но сердце укрепив свободой и терпением
     Я ждал беспечно лучших дней;
     И счастье моих друзей
     Мне было сладким утешением.

Еще десять лет спустя автореминисценция из этого текста перекочевала в рецензию Пушкина на «Некрологию» Орлова (ср.: «В поля кровавые, под тучи вражьих стрел...» и: «...приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812-м году...»).

Как известно, сходное «отношение к настоящему и будущему России — одна из сильнейших точек сближения Пушкина и Жуковского в 1830-е годы» (Киселева 2001: 183; ср.: Проскурин 1999). Неудивительно поэтому, что финал пушкинского отклика на очерк Орлова прозвучал в унисон «Певцу во стане русских воинов». Тем не менее именно сопоставление с «Певцом» (как, впрочем, и с поэтическими произведениями С. Глинки и Н. Иванчина-Писарева), на наш взгляд, позволяет в полной мере оценить своеобразие пушкинской концепции подвига Раевского и его сыновей. В отличие от своих предшественников, Пушкин предпочел опереться на единственный безусловно подлинный факт, лежавший в основе героической легенды: юные сыновья Раевского были при нем в действующей армии «в кровавом 1812-м году». Пушкин, как кажется, совершенно сознательно избегал уснащения своих текстов мотивами, метафорами и ассоциациями, которые привязывали бы подвиг Раевских к конкретному сражению под Дашковкой. Напротив, и в «Посвящении» к «Кавказскому пленнику» и в рецензии на «Некрологию» Орлова у него неслучайно употреблено множественное число. Согласно языковым нормам пушкинской эпохи, сказать «в поля кровавые» допустимо было и об одном сражении, как это сделал, например, все тот же Батюшков в стихотворении «Мщение. Из Парни»: «...с полей кровавой битвы». А вот формула, употребленная в рецензии Пушкина на орловскую «Некрологию» («...приведенных отцом на поля сражений»), уже вполне недвусмысленно переключает внимание читателя с одного лишь легендарного подвига под Дашковкой на множество сражений, где оба сына были в непосредственной близости от отца-героя.

Таким образом, Пушкин-историк избежал описания сомнительных — с точки зрения достоверности и хорошего вкуса — подробностей сражения под Дашковкой (выспренный монолог отца, знамя полка, подхваченное сыном и проч.). Пушкин — друг своих друзей поддержал младшее поколение семьи Раевских. Пушкин — идеолог получил возможность не отказываться от дорогой его сердцу государственной (а отчасти — и религиозной) метафоры, как бы предлагая «упреждающий» ответ на саркастический вопрос Льва Николаевича Толстого, прозвучавший в третьем томе «Войны и мира»: «...зачем же было приносить такую жертву? И потом, зачем тут, на войне, мешать своих детей?» (Толстой 1932: 56).

Литература

- Анекдоты 1815* — Полное собрание анекдотов о достопамятнейшей войне россиян с французами. СПб., 1815. Ч. 1.
- Батюшков 1978* — Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. М., 1978 (серия «Литературные памятники»).
- Бельцов 1998* — Бельцов В. Недаром помнит вся Россия // Владивосток. 1998. 23 февр.
- Богданович 1859* — История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Составлена по Высочайшему повелению. Сочинение генерала-майора М. Богдановича. СПб., 1859. Т. 1.
- Борисевич 1912* — Борисевич А. Т. Генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский (историко-биографический очерк). СПб., 1912. Ч. 1.

- Борисевич 1912a* — **Борисевич А. Т.** К столетию боя под Салтановкой 11 июля 1812 года // *Русский инвалид*. 1912. № 154.
- Вигель 2000* — **Вигель Ф. Ф.** Записки. М., 2000.
- Волконская 1991* — Записки княгини М. Н. Волконской. Чита, 1991.
- Давыдов 1832* — Замечания на некрологию Н. Н. Раевского, изданную при Инвалиде 1829 года, с прибавлением его собственных записок на некоторые события войны 1812 года, в коих он участвовал. Сочинение Д. Давыдова. М., 1832.
- Друзья Пушкина 1986* — Друзья Пушкина: В 2 т. М., 1986. Т. 2.
- Епанчин 1996* — **Епанчин Ю. Л.** Николай Николаевич Раевский (1771–1829): Жизнь. Деятельность. Личность: Дисс... канд. истор. наук. Саратов, 1996.
- Жилин 1974* — **Жилин П. А.** Гибель Наполеоновской армии в России. М., 1974.
- Зорин, Проскурин 1986* — **Батюшков К. Н.** Избранные сочинения / Коммент. А. Л. Зорина и О. А. Проскурина. М., 1986.
- Киселева 2001* — **Киселева Л. Н.** Пушкин и Жуковский в 1830-е годы (точки идеологического сопряжения) // Пушкинская конференция в Стэнфорде. Материалы и исследования. М., 2001.
- Ковалев 1987* — Герои 1812 года: Сборник. М., 1987 (серия «Жизнь замечательных людей»).
- Кошелев 1987* — **Кошелев В. А.** Константин Батюшков. Странствия и страсти. М., 1987.
- Кривицкий 1982* — **Кривицкий А.** Отблески Бородина // Смена. 1982. № 17.
- Лотман 1973* — **Лотман Ю. М.** Сцена и живопись как кодирующие устройства культурного поведения человека начала XIX столетия // Ю. М. Лотман. Статьи по типологии культуры.
- Лотман 1998* — **Лотман Ю. М.** Сцена и живопись как кодирующие устройства культурного поведения человека начала XIX столетия // Ю. М. Лотман. Об искусстве. М., 1998.
- Модзалевский 1908* — Архив Раевских / Ред. и прим. Б. Л. Модзалевского. СПб., 1908. Т. 1.
- Орлов 1832* — **Орлов М. Ф.** Некрология генерала от кавалерии Н. Н. Раевского // Замечания на некрологию Н. Н. Раевского, изданную при Инвалиде 1829 года, с прибавлением его собственных записок на некоторые события войны 1812 года, в коих он участвовал. Сочинение Д. Давыдова. М., 1832.
- Писарев 1817* — **Писарев А. В.** Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 году и последующим. М., 1817. Ч. 2.
- Проскурин 1999* — **Проскурин О. А.** Поэзия Пушкина, или подвижный палимпсест. М., 1999.
- Пушкин 1949* — **Пушкин А. С.** Полн. собр. соч. Л., 1949. Т. 11.
- Русская старина 1874* — Русская старина. 1874. Т. 9, № 3.
- Русская старина 1897* — Русская старина. 1897. № 6.
- Русский архив 1881* — Русский архив. 1881. Кн. 3.
- Свиньин 1829* — **П.[авел] Св.[иньин]**. Некрология генерала ... Раевского. [Рец.] // Московский телеграф. 1829. № 24.
- Сергеева-Клятис 2001* — **Сергеева-Клятис А. Ю.** Русский ампиризм и поэзия Константина Батюшкова. М., 2001. Ч. 2.
- Толстой 1932* — **Толстой Л. Н.** Полн. собр. соч. М.; Л., 1932. Т. 11.

Тартуский университет
Кафедра русской литературы
Кафедра семиотики

Российский государственный гуманитарный университет
Институт высших гуманитарных исследований

ЛОТМАНОВСКИЙ СБОРНИК

3

О·Г·И
Москва 2004